

Многъ Тоанъ (Калининъ).

НИЛО-СОРСКАЯ

ПУСТЫНЬ

И

ЕЯ ПОДВИЖНИКИ.

КШ 1302595

г. Кирилловъ.

Типографія И. В. Малькова.

1914.

Нило-Сорская пустынь и ея подвижники.

НИЛО-СОРСКАЯ мужская общежительная пустынь, называвшаяся прежде „Ниловымъ Скитомъ“, по имени своего основателя и Сорскою пустынею, по мѣсту своего нахождения, основана во второй половинѣ XV вѣка преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ; она находится въ 15 верстахъ отъ уѣзднаго города Кириллова, Новгородской епархіи. Пустынь расположена среди ровной болотистой мѣстности, опоясывается небольшою рѣчкою Соркою и со всѣхъ сторонъ окружена большимъ хвойнымъ лѣсомъ, который тянется на десятки верстъ.

Основатель Нило-Сорской пустыни, преподобный Ниль, первый положилъ начало особаго рода монашескаго жительства въ Россіи, такъ называемаго „скитскаго“. Онъ родился въ 1433 году и происходилъ изъ Московской дворянской фамиліи Майковыхъ; начало своей иноческой жизни положилъ въ обители преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго подъ руководствомъ мудраго и строгаго старца Паисія Ярославскаго. Потомъ, совершивъ съ ученикомъ своимъ Иннокентіемъ ¹⁾ путешествіе по восточнымъ монастырямъ, онъ возлюбилъ умное дѣланіе и скитское безмолвіе, которое видѣлъ во св. горѣ Аѳонской; а потому по возвращеніи своемъ съ востоку, онъ удалился изъ Кириллова монастыря на рѣку Сорку, въ 15 верстахъ отъ монастыря, гдѣ первоначально водрузилъ крестъ, поставилъ себѣ келлію и часовню и ископалъ колодезь и прудъ. Примѣръ его подвижнической жизни привлекъ къ нему желающихъ подвизаться и такимъ образомъ положено было основаніе Нилову скиту. Для нуждъ братіи устроена была на рѣчкѣ Броди мельница, построены на искусственной земляной насыпи деревянный храмъ во имя Срѣтенія Господня, и подъ нимъ братская усыпальница. построе-

1) Впослѣдствіи основатель Іоанно-Предтеченскаго монастыря на рѣкѣ Нурмѣ, Влгодской губерніи.

ны на такихъ же возвышеніяхъ братскія келліи, которыхъ по смерти преп. Нила насчитывалось не менѣе 12, каждая на разстояніи брошеннаго камня отъ другой.

Преподобный Ниль Сорскій скончался 7 мая 1508 года, оставивъ послѣ себя „Уставъ Скитскаго жигія“ — это прекрасное руководство къ прохожденію подвижнической жизни.

Основанный преп. Ниломъ скить не имѣлъ никакихъ имѣній, а средствами къ содержанію его и братіи служила царская милостыня, небольшіе вклады богомольцевъ и доходы кружечные „съ гроба Чудотворца Нила“. Съ половины XVII вѣка скить теряетъ свою самостоятельность и указомъ царя Михаила Ѳеодоровича отдается подъ вѣденіе Кириллова монастыря игумена съ братією. Въ 1798 году онъ приписывается къ Новоезерскому монастырю; въ 1808 году — опять къ Кирилло-Бѣлозерскому. Только въ половинѣ XIX столѣтія, благодаря стараніямъ строителя іеромонаха Никона (въ схимѣ Ниль) благосостояніе пустыни начало быстро улучшаться, такъ-что вскорѣ затѣмъ, Высочайше утвержденнымъ опредѣленіемъ Св. Синода отъ 31 октября 1850 г., она была возстановлена самостоятельною, съ сохраненіемъ названія Нило-Сорской пустыни.

Въ настоящее время обитель имѣетъ вполне благоустроенный видъ съ каменными строеніями и имѣетъ около 70 человекъ братіи.

Старецъ Іеросхимонахъ Ниль.

(† 20 Іюля 1870 года.)

Память сего дивнаго старца о. Нила является священной для обители Нило-Сорской, которая всецѣло обязана ему своимъ и нравственнымъ и матеріальнымъ процвѣтаніемъ. Слишкомъ 40 лѣтъ, какъ преставился блаженный подвижникъ, но труды и подвиги его не

забыты здѣсь и самое имя его насельниками обители произносится съ чувствомъ священнаго благоговѣнія и глубокаго уваженія.

Пишущій сии строки имѣеть счастье быть келейникомъ и ученикомъ того старца (схи-игуменъ Нилъ), который, въ свое время, самъ былъ келейникомъ у под-

Старецъ Геросхимонахъ Нилъ

вижника о. Нила и который, живя съ нимъ неразлучно долгіе годы, живо сохранилъ въ своей памяти множество разительныхъ случаевъ изъ жизни старца, ясно

свидѣтельствующихъ о тѣхъ благодатныхъ духовныхъ дарованіяхъ, какія прсявляя онъ Божією благодатію.

Происходя изъ небогатай, но высокоблагочестивой крестьянской семьи, Владимірской губ. о. Ниль (въ мѣрѣ Николай Прихудаловъ), будучи воспитанъ въ строго-христіанскихъ началахъ, съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ склонность къ тихой подвижнической жизни, что и заставило его въ юношескомъ возрастѣ поступить въ ближайшій ко своей родинѣ монастырь—Флорищеву пустынь. Но близость родины тяготила духъ молодого, ревностнаго послушника и онъ вынужденъ былъ вскорѣ оставивъ сію обитель и избрать себѣ мѣстомъ жительства Троицкій Кривоезерскій монастырь, Костромской епархіи. Здѣсь онъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Никона, затѣмъ вскорѣ былъ рукоположенъ во іеродіакона и наконецъ во іеромонаха. Но по склонности къ тихой уединенной жизни, его и здѣсь стало тяготить многолюдство сего монастыря, куда стекалось масса народу на поклоненіе прославленной чудотвореніями св. иконы Іерусалимской Богоматери. Это не могло укрыться отъ прозорливыхъ очей настоятеля обители, опытнаго старца-игумена Феодосія, который и предложилъ о. Никону перемѣститься въ приписную къ Кривоезерскому монастырю, совершенно уединенную Надѣевскую пустынь, основанную извѣстнымъ старцемъ пустынножителемъ о. Тимономъ, другомъ и собесѣдникомъ пр. Серафима Саровскаго, и отстоящую отъ монастыря въ 90 вер. Эта пустынь съ внѣшней стороны представляла крайнее убожество. гдѣ по словамъ самого старца Никона „церковь“ деревянная святителя Николая Чуд. одна только составляла всю сущность ея, а прочія постройки всѣ только были раззалины. Трапеза, вмѣстѣ и келарня, была просто изба крестьянская черная; ограды не имѣлось. но при всемъ томъ—продолжаетъ о. Никонъ,—что-то непонятное наполняло душу чувствомъ благоговѣнія и радости, которыхъ пояснить даже не могу“. Здѣсь о. Никонъ во всемъ помогаль обремененному лѣтами старцу о. Тимону и почерпалъ отъ него уроки духовной опытности, а таже любилъ заниматься иконописаніемъ, каковому ремеслу снѣ научился еще юношею, живя въ мѣрѣ.

Потомъ о. Никонъ назначень былъ управляющимъ пустыню, въ каковомъ званіи немало употребилъ здѣсь трудовъ надъ построеніемъ новаго каменнаго храма, колокольни и прочихъ монастырскихъ зданій; храмъ весь украсилъ иконами своихъ трудовъ, много пріобрѣлъ для него священной утвари и ризницы и вообще привелъ пустынь къ внѣшнему и внутреннему благоустройству. Процвѣтавшая внѣшне и внутренне, подъ мудрымъ управленіемъ опытнаго и духовно-просвѣщеннаго старца, надѣвская пустынь стала привлекать къ себѣ множество мірянъ-богомольцевъ. Но это опять стало тяготить старца Никона, лишая его возможности уединяться отъ людей, и онъ началъ усердно молить Господа указать ему такое пустынное уединенное мѣсто, гдѣ бы могъ онъ вдали отъ мірскаго шума и соблазновъ служить Господу подвигами поста и молитвы. Господь скоро услышалъ его молитву и послалъ ему указаніе въ лицѣ одной странницы-подвижницы, которая, странствуя по святымъ мѣстамъ, хорошо была знакома со всѣми обителями Россіи. Къ ней-то и обратился о. Никонъ съ просьбою указать ему одну изъ самыхъ отдаленныхъ пустынныхъ обителей, куда было-бы можно удалиться на безмолвіе. Странница предложила ему на выборъ три пустынныхъ обители крайняго сѣвера; Нило-Сорскую, Новг. губ. Шалоцкую, той же губ. и Алексанро-Ошевенскую, Олонешкой губ. подробно описавъ ему какъ, внѣшность и мѣстоположеніе, такъ и внутреннее состояніе каждой изъ сихъ обителей. Старецъ, привыкнувъ на все испрашивать Божіе благословеніе, долго и усердно молилъ Господа указать ему мѣсто, болѣе соответствующее его душевному настроенію. Послѣ продолжительной молитвы сдѣлалъ онъ три жребія, на которыхъ написалъ имена обителей--Нило-Сорской, Шалоцкой и Александро-Ошевенской и положилъ ихъ предъ иконою Божіей Матери, прося Ее Всеблагую указать ему ту обитель, гдѣ будетъ воля Божія ему обитать. По взятіи имъ жребія отъ св. Бобоматерней иконы, оказалось въ немъ имя Нило-Сорской пустыни. и такъ продолжалось сряду три раза, послѣ чего старецъ вполне убѣдился, что есть воля Божія жить ему именно въ Нило-Сорской пустыни, которую съ тѣхъ поръ и звалъ онъ своимъ Богоданнымъ жребіемъ.

Нило-Сорская пустынь или «Ниловъ скитъ» въ то время не имѣла своей самостоятельности, но была приписной къ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю и съ внѣшней стороны представляла груды развалинъ. Изъ зданій монастырскихъ на возвышенномъ бугрѣ, насыпанномъ руками пр. Нила и его учениковъ на низменной болотистой почвѣ, тѣснились двѣ небольшія ветхія церкви, одна во имя Срѣтенія Господня, другая—во имя св. Іоанна Крестителя, ограды вокругъ церквей не было никакой, небольшія ветхія келліи стояли накренясь близки къ паденію, скотный дворъ, погрязшій въ болотѣ, лежалъ въ развалинахъ, а также всѣ остальные хозяйственные зданія обители представляли картину разрушенія. Внутреннее состояніе обители было

Видъ Нило-Сорской пустыни.

плачевно. Здѣсь большею частію жили монашествующіе, изгнанные изъ другихъ обителей за тѣ или иные пороки, но, будучи удалены отъ начальственнаго надзора, они и здѣсь продолжали предаваться пьянству и распущенности.

Настоятель Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря архимандритъ Иннокентій, подъ вѣдѣніемъ котораго находилась тогда пустынь, очень скорбѣлъ о такомъ запущеніи когда-то славнаго, перваго въ Россіи «Нилова Скита», но не имѣя достойнаго и способнаго человѣка, которому могъ бы ввѣрить обитель сію, не въ силахъ былъ привести ее въ должный порядокъ.

И вотъ, когда явился къ нему о. Никонъ, о подвижнической жизни котораго онъ много уже слышалъ, о. архимандритъ съ радостію принялъ его и со слезами сталъ убѣждать его принять обитель въ свое полное управленіе. „Чувствуетъ душа моя, говорилъ между прочимъ о. Иннокентій, что ты на это силенъ и способенъ Божіею благодатіею“. Убѣдительныя просьбы архимандрита Иннокентія не могли не тронуть боголюбивую душу о. Никона и онъ изъявилъ желаніе поселиться въ Нило-Сорской пустыни и принять въ ней званіе настоятеля. Къ этому былъ онъ кромѣ того убѣжденъ видѣніемъ пр. Нила, который во снѣ явился ему и повелѣлъ не отказываться отъ предлагаемаго послушанія, обѣщая ему свою помощь.

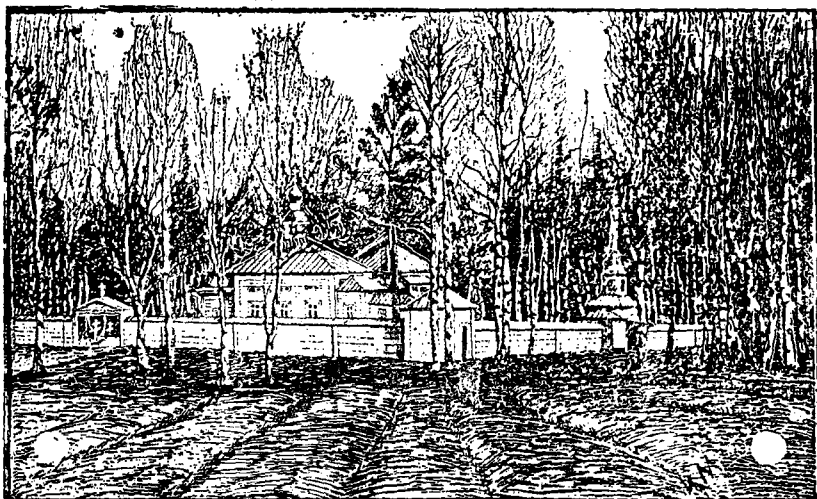
Принявъ на себя званіе настоятеля Нило-Сорской пустыни, о. Никонъ прежде всего постановилъ непремѣннымъ условіемъ: 1, чтобы служба церковная ежедневно и неопустительно совершалась здѣсь по чину общежительныхъ монастырей; 2, въ пустыни было полное общежитіе во всемъ и 3, отнюдь не было въ ней нетрезвой братіи и вино не употреблялось на трапезѣ, какъ это было прежде. Что касается пьянства, то немало скорбей и горестныхъ испытаній пришлось ему перенести, пока не искоренилъ это зло. Но Господь и св. угодникъ Божіей пр. Нилъ видимо помогали ему въ богоугодномъ и святомъ дѣлѣ возстановленія обители. Слава о высокоподвижнической жизни старца широко разнеслась по всему отечеству нашему и стала привлекать въ скромную обитель массу богосмольцевъ, изъ которыхъ многіе, будучи плѣнены видомъ лѣсной пустынной обители и истовымъ богослуженіемъ, совершаемымъ большею частію самимъ старцемъ, и сами желали проводить здѣсь такую же подвижническую жизнь. Скоро обитель процвѣла именно какъ кринь въ глухой, болотистой, лѣсной дебри, процвѣла не только зданіями, но и благочестивымъ подвижническимъ житіемъ настоятеля и братіи. Слухъ о старцѣ-труженникѣ достигъ и сѣверной столицы. Здѣсь благочестивые люди стали интересоваться личностію о. Никона, начали присылать ему щедрыя пожертвованія, а многія знатныя особы стали вызывать его въ Петербургъ для личнаго знакомства. Въ числѣ послѣднихъ

были такія особы, какъ Шереметева, Потемкина и многіе другіе. Татьяна Борисовна Потемкина такъ описываетъ свое впечатленіе послѣ перваго знакомства со старцемъ: „Когда впервые увидѣла я его у себя въ гостинной, невольно подумала: какой онъ мужикъ во всемъ! Однако, когда сталъ онъ говорить со мною, то вдругъ что-то особенное почувствовала я въ себѣ: точно видѣлъ онъ меня всю насквозь, всѣ изгибы души моей были открыты предъ его пронизательными глазами и говорилъ онъ мнѣ много такого, чего я никогда не забуду“.

Во время поѣздки своей въ Петербургъ о. Никонъ сталъ извѣстенъ не только своему архипастырю-митрополиту Новгородскому и С.-П.-Б. Серафиму, но и другимъ архипастырямъ—Членамъ Св. Синода и между прочимъ митрополитамъ:—Филарету Московскому и Филарету Кіевскому. Съ первымъ изъ нихъ онъ имѣлъ переписку и пользовался милостями Московскаго первосвященника.

Но вмѣстѣ съ широкою славою и извѣстностію старцу готовилось великое испытаніе, выразившееся въ томъ, что онъ по возникшему слѣдственному дѣлу отрѣшенъ былъ отъ строительской должности, запрещенъ на одинъ годъ въ священнослуженіи и ношеніи иноческой одежды и сосланъ на заточеніе въ Иверскій Валдайскій монастырь подъ строгій присмотръ настоятеля. Причиной сему послужило слѣдующее обстоятельство: съ благословенія епархіальнаго начальства о. Никонъ приступилъ къ постройкѣ новаго каменнаго трехпрестольнаго храма надъ гробомъ пр. Нила, для этого нужно было ветхія деревянныя церкви—Срѣтенскую и Предтеченскую разобрать и насыпной холмъ, на которомъ онъ стояли, пришлось частію снять частію разровнять; а такъ какъ въ древности вокругъ этихъ церквей на холмѣ семь было братское кладбище, то при разрываніи холма найдено было много человѣческихъ костей, которыя тщательно были собраны въ одну общую могилу, устроенную тутъ-же близъ церкви. При этомъ въ одномъ мѣстѣ, неподалеко отъ раки пр. Нила вырыты были кости, отличавшіяся бѣлизною и источающія капли благо-

воннаго мира. Старець благоговѣнно собралъ эти кости въ особый приличный ковчежець и поставилъ его въ своей келліи, съ намѣреніемъ въ послѣдствіи, при построеніи церкви честно погребсти ихъ въ ней, на томъ-же мѣстѣ, гдѣ они были обрѣтены. Это-то и послужило злонамѣреннымъ людямъ поводомъ возбудить дѣло, будто бы о. Никонъ откопалъ кости пр. Нила и неблагоговѣнно хранить ихъ въ своей келіи. Хотя слѣдственная комиссія нашла мѣсто погребенія пр. Нила цѣлымъ и неразрытымъ, съ стоявшей надъ нимъ гробницею, тѣмъ не менѣе за самовольный проступокъ удержанія найденныхъ костей и за недосеніе о семъ своему духовному начальству онъ подвергся наказанію.

Церк. Св. Іоанна Предтечи: *старый скитъ Н. Сорской пустыни*

Тяжело было о. Никону разставаться съ своей любимой пустынею, но эта печаль его усугублялась еще тѣмъ, что древній деревянный храмъ Предтеченскій, стоявшій прежде надъ гробомъ пр. Нила и перенесенный имъ за ограду, къ кладезю и пруду преп. Нила, гдѣ онъ устроилъ себѣ небольшой скитъ — оставался недоконченнымъ и неосвященнымъ.

Онъ питаль надежду со временемъ совсѣмъ удалиться сюда, въ этотъ скитъ и въ св. схимѣ подвизаться здѣсь до конца дней своихъ.

Но вѣрно Господу угодно было испытать Своего ревностнаго служителя разными напастями, и о. Никонъ безропотно покорился волѣ Божіей. На мѣстѣ своего заточенія старецъ находилъ немалое утѣшеніе въ постигшемъ его испытаніи предъ иконою Царицы Небесной, написанной имъ самимъ еще въ Кривозерскомъ монастырѣ. И Божія Матерь утѣшила его. Однажды вечеромъ, окончивъ свое молитвенное правило, старецъ почувствовалъ сильный приступъ жгучей скорби, присѣлъ на стулъ предъ иконою Божіей Матери и какъ бы забылся легкою дремотой. Вдругъ осіялъ его свѣтлый лучъ отъ иконы Богоматери и послышался гласъ отъ нея: „Что ты такъ скорбишь сильно и изнемогаешь? не скорби, скоро будешь утѣшенъ“. Услышавъ этотъ дивный гласъ, старецъ упалъ со стула на полъ и лежалъ на немъ, какъ разслабленный, не имѣя силъ двинуть ни однимъ членомъ. И вотъ вторично послышался ему гласъ отъ иконы: „Будешь опять въ Нило-Сорской пустыни, и въ скитѣ храмъ св. Предтечи освятится, и ты будешь въ схимѣ“. Съ тѣхъ поръ онъ почувствовалъ не малое облегченіе своей скорби, искренно вѣрилъ въ исполненіе обѣтованія Богоматери и терпѣливо несъ свою эпитимію. Между тѣмъ годы шли и о немъ какъ бы всѣ забыли. Въ Нило-Сорской пустыни былъ другой настоятель, каменная церковь тамъ, начатая о Никономъ, выстроилась и была освящена, и братія вполнѣ свыклась съ новымъ настоятелемъ. Но вотъ разъ приѣзжаетъ въ Иверскій Потемкина, которая не мало было поражена, встрѣтившись здѣсь съ о. Никономъ, который на ея разспросы подробно рассказалъ ей печальную исторію своего изгнанія. Вскорѣ послѣ этого Потемкина уѣхала въ Петербургъ и тамъ, явившись разъ во дворецъ, въ присутствіи Государя Императора Николая Павловича и Государыни Александры Ѳеодоровны рассказала о подвижнической жизни старца, его тяжелою изгнаніи и скорби по Нило-Сорской пустыни. Государыня очень заинтересовалась этимъ рассказомъ и спросила: „отчего это старцу нельзя

возвратиться въ Нило-Сорскую пустынь». И когда Потемкина сказала, что это зависитъ отъ Государя Императора, то Государыня стала просить его дать старцу это разрѣшеніе. Государь такъ былъ милостивъ, что обѣщаль повелѣть чрезъ оберъ-прокурора Св. Синода вернуть о. Никона въ Нило-Сорскую пустынь.

И вотъ о. Никонъ снова въ любимой имъ Нило-Сорской пустыни. Впрочемъ старецъ теперь немного пожилъ въ монастырѣ: его давно привлекалъ къ себѣ своею безмолвной тишиною Іоанно-Предтеченскій скитъ, находящійся за оградой обители, гдѣ онъ еще во время настоятельства своего поставилъ небольшую деревянную келлію и любилъ удаляться сюда на отдыхъ и безмолвіе отъ суеты настоятельской должности. Теперь о. Никонъ, съ благословенія настоятеля обители, совсѣмъ поселился въ семъ скитѣ, желая остатокъ жизни своей провести въ полномъ спокойствіи наединѣ работая Господу. Недоконченный Предтеченскій скитскій храмъ скоро удалось ему закончить постройкою и 15 ноября 1852 года совершилось освященіе сего древняго храма, а на второй день, т.-е. 16-го ноября о. Никонъ, по давнему, своему желанію, принялъ постриженіе въ великій ангельскій образъ, св. схиму, съ именемъ Нила, въ честь пр. Нила Сорскаго.

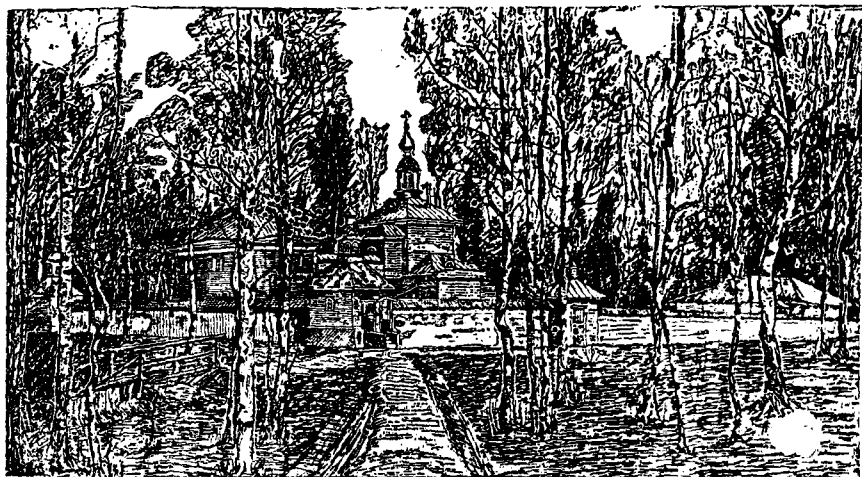
Старецъ о. Нилъ былъ необыкновенно милостивъ ко всѣмъ и строгъ къ себѣ. Онъ былъ истиннымъ постникомъ въ полномъ смыслѣ: обыкновенною пищею его были сухари съ водою и то въ очень умѣренномъ количествѣ. Рыбы никогда не вкушалъ, молоко же разрѣшалъ только въ недѣлю Пасхи, въ Рождество Христово, Богоявленіе и на сырной седмицѣ. На весь великій постъ онъ затворялся въ своей келліи, не принимая къ себѣ даже келейника. Онъ на столько хранилъ цѣломудріе, что никогда не обнажалъ своего тѣла, никогда не ходилъ въ баню; бѣлье перемѣнялъ очень рѣдко, по большей же части носилъ его до тѣхъ поръ, пока само оно отъ ветхости не распадется. Рубашки носилъ онъ изъ чернаго коленкора, очень длинныя, въ родѣ хитона, она замѣняла ему и подрясникъ и нижнее бѣлье, почти всегда ходилъ босой надѣвая обувь только во время

церковной службы. Старець обладалъ свѣтлымъ проницательнымъ умомъ и замѣчательной памятью. Не получивъ школьнаго образованія, онъ, чтеніемъ книгъ, такъ образовалъ себя, что его познаніямъ изумлялись ученые мужи, и съ большимъ успѣхомъ велъ полемику съ раскольниками. О. Нилъ составилъ службу преп. Нилу Сорскому, которая Св. Синодомъ одобрена и разрѣшена къ церковному употребленію, а также молитвы ко Пресвятой Богородицѣ на каждый день седмицы; кромѣ сего послѣ его смерти остались въ рукописяхъ акаѳистъ преп. Нилу, нѣсколько поученій и множество разныхъ церковныхъ службъ и молитвенныхъ пѣснопѣній. Также онъ любилъ заниматься иконописаніемъ. Такъ имъ были написаны точныя копіи съ чудотворныхъ иконъ—Іерусаимскія и Иверскія; первая изъ нихъ была написана у него для себя, никогда онъ съ ней не разлучался, черпалъ въ своихъ горячихъ молитвахъ передъ нею бодрость и силу во время постигшихъ его скорбей и испытаній; и была прославлена она многими знаменіями Божіей благодати и наконецъ, по особому внушенію самой Богоматери, была отлравлена имъ эта икона съ особымъ письмомъ—посланіемъ въ Аѳонскій Св. Пантелеймона монастырь, гдѣ она и теперь находится въ Покровскомъ соборномъ храмѣ надъ царскими вратами и служитъ великой святыней сей обители. *) Въ пустыни также немало есть св. иконъ его письма, особенно замѣчательна изъ нихъ, такъ называемая, Кикіютитская или Кипрская, прославленная многими знаменіями,

За 10 лѣтъ до своей смерти старецъ по особому откровенію свыше, устроилъ новый скитъ при пустынѣ въ глухой болотистой мѣстности, въ 100 саж. отъ перваго скита. Здѣсь онъ устроилъ деревянную двухъ-этажную церковь во имя Успѣнія Божіей Матери, поставилъ двѣ небольшія часовенки, расписавъ внутри ихъ св. изображеніями и назвавъ одну изъ нихъ „Ірробомъ Господнимъ“ другую „Геѳсиманією“, сдѣлалъ небольшую келейку, раздѣлалъ землю подъ садъ и огородъ, выкопалъ прудъ и все это обнесъ деревянною оградой

*) См. книгу „Вышній Покровъ надъ Аѳономъ,“ Изд. 4.

Здѣсь старецъ дожилъ до конца дней своихъ въ полномъ уединеніи. Живя въ семь тихомъ уединенномъ скитѣ, старецъ есецѣло предавался молитвѣ и посту. Особенно онъ любилъ длинныя всенощныя бдѣнія, которыя, особливо на великіе праздники, были въ полномъ смыслѣ всенощными. Начиная службу съ малой вечерни въ 4 часа дня, она продолжалась у него непрерывно до 5 часовъ утра, оканчиваясь раннею обѣднєю. Онъ любилъ самъ пѣть и читать, имѣя къ этому большія способности.

Церковь Успевія Божіей Матери: *новый скитъ* Н. Сорской пустыни.

Входъ женскому полу въ сей Успенскій скитъ старцемъ былъ строго воспрещенъ даже за ограду, что свято сохраняется и до нынѣ. Но вотъ однажды двери ограды какъ то забыли запереть и одна женщина богомолка случайно зашла туда въ средину ограды, но вдругъ почувствовала себя дурно: она упала на землю, стала трястись всѣмъ тѣломъ и испускать крики отъ сильной боли во всѣхъ членахъ. На крикъ ея вышелъ старецъ о. Ниль и покрывъ ее своею мантией, помолился надъ ней Господу. Послѣ этого женщина почувствовала себя здоровою и мирно была отпущена старцемъ.

Слава о благодатныхъ дарахъ подвижника Божія далеко разносилась и къ нему со всѣхъ концовъ Россіи шли толпы народа за словомъ утѣшенія и съ разными душевными и тѣлесными недугами, и всѣ они, разнаго званія и состоянія люди, выносили отсюда самое отрадное впечатлѣніе. Изъ многихъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о дивной прозорливости старца, упомяну здѣсь, хотя только объ одномъ. Разъ приходитъ къ старцу по одному дѣлу гостинникъ, монахъ Ѳеодоръ. Старецъ налилъ въ бутылку св. воды, и передавая ее гостиннику говоритъ: „тамъ у тебя есть одна больная женщина, такъ ты дай попить ей и умыться этой водою“ — „Батюшка, никакой больной у меня нѣтъ“, — сказалъ гостинникъ. „Придешь—увидишь“, — отвѣчалъ старецъ. И дѣйствительно, когда гостинникъ пришелъ къ себѣ, то увидѣлъ, что одна женщина лежитъ на полу и сильно бьется въ страшныхъ конвульсіяхъ; нѣсколько женщинъ стоятъ передъ нею, но помочь ей ничѣмъ не могутъ. Тогда о. Ѳеодоръ понялъ слова старца и поспѣшилъ исполнить его приказаніе. Только что успѣли больную напоить и умыть св. водою, какъ она тотчасъ же очнулась, пришла въ себя и почувствовала себя совершенно здоровою.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, конечно, не возможно хотя бы кратко описать всѣ проявленія духовныхъ дарованій, какими обладалъ этотъ дивный старецъ, но и изъ сего, немного сказаннаго, можно заключить, что сей богомудрый подвижникъ о. Ниль былъ избраннѣйшимъ сосудомъ Божіей благодати.

Мысль о смерти давно была неразлучна со старцемъ; еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти приготовилъ онъ себѣ могилу близъ алтаря своей скитской церкви, а также и гробъ, который всегда стоялъ въ его келліи на полу. Подлѣ него любилъ онъ ложиться для отдыха и, глядя на него, размышлялъ о смертномъ часѣ и загробной участи. Погребальныя вещи всѣ были имъ также заготовлены заранѣе и хранились въ гробѣ; на крышкѣ гроба стоялъ панихидный крестъ и чашка съ кутьей. Здѣсь старецъ часто пѣлъ заупокойныя литіи, молитвенно приготовля себя къ переходу въ вѣчность. Написалъ старецъ и духовное завѣщаніе, въ которомъ

трогательно и молитвенно обращается къ Нило-Сорской братіи, всѣхъ прощаетъ и себѣ просить у всѣхъ прощенія и просить не забывать его въ молитвахъ.

Въ ночь съ 19-го на 20 Іюля 1870 года, три удара большого монастырскаго колокола извѣстили братію пустыни о блаженномъ успеніи всѣми уважаемаго старца-подвижника. Тѣло его погребено въ приготовленной имъ самимъ могилѣ въ Успенскомъ скитѣ, подѣ поломъ ризницы, близъ алтаря. Онъ скончался 70 лѣтъ отъ роду

Вскорѣ послѣ своей смерти о. Нилъ явился ночью во снѣ своему другу и духовному отцу іером. о. Свмеону скорбѣвшему о потерѣ своего друга-сомолитвенника и сказалъ: „не скорби о мнѣ, отецъ Свмеонъ, я удостоился милости Божіей“. Молитвами блаженнаго старца Нила, и мы, недостойные, да не лишимся ея

Нилосорской пустыни Пнокъ *Іоанъ*.

Иванъ Семеновичъ Шапошниковъ, рясофорный послушникъ Нило—Сорской пустыни. ¹⁾

(† 13 мая 1863 года).

Въ Иоано-Предтеченскомъ скитѣ Нило-Сорской пустыни, Новгородской епархіи, на братскомъ кладбищѣ, подъ небольшимъ надмогильнымъ холмикомъ, съ чугуннымъ крестомъ и двумя невѣдомою рукою посаженными рябиновыми деревцами, мирно покоится тѣло замѣчательнаго по своей жизни и духовнымъ дарованіямъ рясофорнаго послушника сей пустыни Іоанна, или, какъ обыкновенно его здѣсь называли, Ивана Семеновича Шапошникова.

Сей избранникъ Божій Иванъ Семеновичъ родился въ 1802 году, въ мѣщанской семьѣ города Галича, Костромской губерніи, но о его родителяхъ преданій никакихъ не сохранилось. Получивъ начальное образованіе въ народномъ Галичскомъ училищѣ, Иванъ Семеновичъ принялся за изученіе иконописнаго мастерства и рѣзбы по дереву, но на 18 году отъ роду съ нимъ случился параличъ, отъ котораго онъ плохо сталъ владѣть правою рукою и обѣими ногами, такъ что безъ помощи палки не могъ ходить, и даже самый голосъ сдѣлался хриплымъ и силоватымъ на всю жизнь.

Обладая отъ природы тихимъ, кроткимъ характеромъ и будучи воспитанъ въ строго-христіанскихъ началахъ, онъ съ самого ранняго дѣтства имѣлъ склонность къ иноческой жизни. Теперь же, лишившись по случаю постигшаго его недуга работоспособности и не находя удовлетворенія своему душевному настроенію среди мірской суетной жизни, онъ рѣшилъ всецѣло посвятить себя на

1) Свѣдѣнія о семь подвижникѣ взяты частію изъ жизнеописанія подвижника той же пустыни іеросхимонаха Нила, современника и сподвижника. Ив. Семеновича, частію изъ сохранившихся записей о немъ и частію изъ устныхъ разсказовъ нѣкоторыхъ старцевъ пустыни, знавшихъ лично Ивана Семеновича.

служеніе Богу въ иноческомъ званіи. Для сего онъ избралъ себя обитель преподобнаго Кирилла Новозерскаго Новгородской епархіи, къ которому питалъ особенное расположеніе и усердіе, какъ къ своему родному угоднику Божію, бывшему уроженцу того же города Галича, куда онъ и поступилъ въ юношескомъ возрастѣ, надѣясь всецѣло предаться здѣсь иноческимъ подвигамъ. Но недолго пришлось пожить ему въ сей обители: какъ увѣчный и немощной, немогшій трудиться на равнѣ съ другими послушниками, онъ былъ изгнанъ изъ обители не за что иное, какъ за свое увѣчье.

Нелегко было Ивану Семеновичу разставаться съ обителью преподобнаго Кирилла и особенно съ самимъ угодникомъ Божіимъ, предъ нетлѣнными мощами котораго онъ такъ любилъ молиться и гдѣ находилъ полное удовлетвореніе своему душевному настроенію. Но зная, что все дѣлается не безъ промысла Божія, онъ безропотно и съ поскорностію предопредѣленію Божію оставилъ стѣны Новозерской обители и избралъ новымъ мѣстожительствомъ для себя Нило-Сорскую пустынь, той же епархіи, отстоящую отъ Кирилло-Новозерскаго монастыря въ 70 верстахъ.

Нило-Сорская пустынь въ то время находилась подъ вѣдѣніемъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, отстояла ея 15 верстахъ отъ него и представляла изъ себя крайне убогой видъ. Двѣ небольшія деревянныя церкви, обнесенныя полуразвалившейся деревянною оградой; два небольшихъ ветхихъ деревянныхъ корпуса: одинъ настоятельскій, а другой, занимаемый кухнею и трапезою—вотъ въ чемъ заключалось все внѣшнее благоустройство Нило-Сорской пустыни, куда по опредѣленію Божію направилъ свои стопы Иванъ Семеновичъ.

Управляющимъ пустыню въ это время былъ здѣсь іеромонахъ Никонъ, извѣстный въ послѣдствіи подвижникъ іеросхимонахъ Ниль, постриженникъ Кривозерскаго монастыря, Костромской епархіи, который, по склонности своей къ тихой уединенной жизни, добровольно избралъ себя мѣстомъ для своихъ иноческихъ подвиговъ сію пустынную, полуразрушившуюся обитель, которую въ послѣдствіи своими неусыпными трудами привелъ въ цвѣтущее состояніе.

Къ нему-то и пришелъ теперь Иванъ Семеновичъ, прося

принять его подъ свое мудрое руководство. Старецъ же, провидя въ немъ особый избранный сосудъ благодати Божіей, съ радостію принялъ Ивана Семеновича, гдѣ онъ и прожилъ безвыходно до конца жизни своей, пользуясь особеннымъ уваженіемъ и взаимными духовными бесѣдами и назиданіями со своимъ наставникомъ и учителемъ старцемъ Ниломъ.

Но, несмотря на все радушіе и расположеніе, съ какимъ приняли и все время относились къ нему здѣсь, Иванъ Семеновичъ долго не могъ успокоиться и привыкнуть къ Нило-Сорской пустыни, сильно тоскуя по Новоезерскому монастырѣ, къ которому болѣе всего привлекалъ его угодникъ Божій преподобный Кириллъ своими нетлѣнными и цѣльбоносными мощами. Наконецъ эта тоска такъ овладѣла имъ, что онъ часто не находилъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью и даже въ храмъ Божіемъ, при богослуженіи, часто переходилъ съ мѣста на мѣсто, какъ изступленный умомъ. Но когда нужна человѣку помощь свыше, когда онъ изнемогаетъ въ непосильной борьбѣ, тогда она, эта всемогущая, немощныхъ врачующая помощь, и подается ему благовременно благодію Творца всяческихъ, дивнаго во святыхъ Своихъ.

Самъ угодникъ Божій преподобный Нилъ, Сорскій чудотворецъ, посѣтилъ смиреннаго раба Божія Іоанна и помогъ ему избавиться отъ угнетавшей его тоски.

Разъ, зимнимъ временемъ, Иванъ Семеновичъ стоялъ за всеночнымъ бдѣніемъ подъ какой-то праздникъ въ церкви на своемъ обычномъ мѣстѣ въ углу подлѣ печи. Онъ былъ тогда удручаемъ такимъ горестнымъ расположеніемъ духа, что мало даже себя помнилъ и ничего не слыхалъ, что пѣлось и читалось въ церкви, весь отдавшись мыслямъ о Новоезерскомъ монастырѣ и пламенно желая возвратиться опять туда же. Вдругъ онъ видитъ ясно незнакомаго старца въ схимнической одеждѣ, который вышелъ изъ алтаря, подошелъ къ нему и говоритъ: — Ну, видно ты не хочешь служить мнѣ? Если такъ, то иди обратно къ преподобному Кириллу. — При этихъ словахъ правою рукою своей старецъ чувствительно хлопнулъ его по плечу.

Иванъ Семеновичъ хотѣлъ ему поклониться и спросить кто онъ такой, но явившійся сталъ невидимъ. Видъ явившагося старца былъ во всемъ сходенъ съ изображеніемъ

на иконѣ преподобнаго Нила Сорскаго, и онъ глубоко увѣровалъ, что это именно самъ угодникъ Божій его по-сѣтилъ. Вѣра эта подкрѣплялась въ немъ ощущеніемъ необычайной радости въ душѣ его; прежняго смущенія и тоски какъ не бывало, и онъ съ тѣхъ поръ совершенно успокоился и рѣшилъ навсегда остаться въ Нило-Сорской пустыни, усугубляя свои иноческіе подвиги.

Отличаясь необыкновенною простотою и почти младенческимъ незлобіемъ, Иванъ Семеновичъ скоро стяжалъ себѣ общую любовь всей братіи пустыни, но, чтобъ избѣжать большей славы и уваженія къ себѣ, онъ нерѣдко допускалъ въ своей жизни разные странныя поступки, почему нѣкоторые считали его юродивымъ. Всякую укоризну надъ собою, насмѣшки и даже побои переносилъ онъ не только терпѣливо, съ незлобивымъ сердцемъ, но даже какъ-будто это доставляло ему необычайную радость и удовольствіе, и не только не оскорблялся на своихъ досадителей, но еще и заступался за нихъ и даже дѣлалъ предпочтеніе имъ предъ другими. Бывало, молодые послушники, по своему неразумію и легкомыслію, глумятся надъ нимъ, какъ надъ малоумнымъ: то оболъютъ помоями, то замазываютъ сажею,—а онъ и не думаетъ обижаться на нихъ: только лишь ласково улыбнется и продолжаетъ себѣ свое послушаніе, будто ничего не бывало. Но за то онъ не могъ спокойно переносить оскорбленія и обидъ, причиняемыхъ кому-либо иному: сейчасъ же заступиться за нихъ а потому многіе обидимые находили въ немъ защитника себѣ.

Состраданіе Иванъ Семеновичъ имѣлъ не только къ людямъ, но и ко всѣмъ животнымъ и даже насѣкомымъ. При немъ, бывало, никто не смѣлъ убить или раздавить какую-либо букашку или таракана, которыхъ въ изобиліи водилось на кухнѣ, гдѣ онъ большею частію и проживалъ.

Несмотря на свое увѣчье, онъ проходилъ послушаніе трапезнаго въ продолженіе 12 лѣтъ, накрывая въ трапезѣ столы, собирая и перемывая посуду, и топилъ печи; за все это время онъ не имѣлъ даже отдѣльной комнаты для себя, а находился тутъ же, въ трапезѣ, или на кухнѣ,—одромъ же служила ему кухонная печь. Тамъ, на голыхъ кирпичахъ, положены были у него простыя доски, на которыхъ онъ и спалъ безъ всякой подстилки; вмѣсто же изголовья служилъ ему деревянный обрубокъ; это не-

затѣйливое и болѣе чѣмъ скромное ложе его находилось въ такомъ неизмѣняемомъ видѣ до самой его смерти.

Ни обуви, ни теплыхъ сапогъ зимою онъ не носилъ: всегда босой, въ ветхомъ подрясникѣ, одинаковымъ зимою и лѣтомъ. Кромѣ того, на голомъ тѣлѣ носилъ онъ постоянно желѣзныя вериги, съ полпуда вѣсомъ, которыя и теперь хранятся въ Успенскомъ скитѣ при той же пустыни. Только за нѣсколько дней до своей смерти снялъ снѣ ихъ и положилъ подъ свое убогое ложе, какъ славные доспѣхи побѣдоносной борьбы со своею плотію, которую онъ, по слову апостола, постоянно распиналъ со своими страстями и похотями. Отъ постоянного ношенія тяжелыхъ веригъ все тѣло его покрыто было язвами, изъ которыхъ часто сочилась кровь, такъ что если случайно приходилось его видѣть въ одной рубашкѣ на трудахъ послушанія, то страшно было смотрѣть. Но добрый труженникъ мало обращалъ на это вниманія: какъ-будто страдало это не его собственное тѣло, а чье-то чужое, и отнюдь никогда не соглашался хотя на время снять свои вериги, чтобъ залѣчить причиненныя ими язвы.

Кромѣ возложеннаго на него послушанія по кухнѣ и трапезѣ, несмотря на свое увѣчье, отчего плохо владѣлъ правою рукою, онъ любилъ заниматься писаніемъ святыхъ иконъ, каковому искусству научился онъ частію живя еще въ мірѣ и частію стѣ старца Нила, который былъ прекраснымъ живописцемъ. Кромѣ того, онъ хорошо умѣлъ дѣлать фольговыя ризы для иконъ, вырѣзывать изъ дерева затѣйливыя рамки и кіоты, и все это дѣлалъ одною лишь лѣвою рукою, при помощи самыхъ простыхъ незатѣйливыхъ инструментовъ. Искусство его въ этомъ дѣлѣ было удивительное, такъ что многіе, видя его калѣчество, не хотѣли даже вѣрить, что онъ могъ самъ смастерить такія вещи.

Въ обители до сихъ поръ сохранились нѣсколько иконъ и рѣзныхъ кіотовъ работы Ивана Семеновича. Такъ напримѣръ, его работы икона преподобнаго Нила Сорскаго, писанная на холстѣ во весь ростъ и имъ же самимъ сдѣлана на нее риза очень искусственной работы. Эта икона лежитъ на древней деревянной гробницѣ преподобнаго Нила, замѣняя собою верхнюю крышку оной, которая въ настоящее время находится въ Іоанно-Предтеченской скитской церкви. Кромѣ того, въ теплой церкви пустыни

имѣется деревянный рѣзной киотъ къ иконѣ Тихвинской Божіей Матери, съ очень замысловатою и сложною рѣзбой, который тоже сооруженъ Иваномъ Семеновичемъ при помощи простого ножа, и къ этой же иконѣ имъ самимъ сдѣлана бисерная риза, чудная по своей сложной работѣ, Даже именныя печати умѣлъ онъ вырѣзывать, и такъ искусно, что оставалось только лишь удивляться его замѣчательнымъ дарованіямъ. На эти занятія уходило у него все свободное время, между молитвою церковною и до-

Иванъ Семеновичъ Шапошниковъ, рясофорный послушникъ Нило-Соркой пустыни

машнею и своимъ послушаніемъ, такъ что никто никогда не видалъ его празднымъ или хотя бы пользующимся краткимъ необходимымъ для каждаго отдыхомъ отъ монастырскихъ трудовъ. Молитва и трудъ были насущной неотъемлемой потребностію сего дивнаго избранника Божія, вся жизнь котораго была сплошнымъ подвигомъ.

Когда тѣлесныя силы Ивана Семеновича стали ослабѣвать, его освободили отъ всякаго послушанія монастырскаго и дали особую келейку въ обители, предоставивъ ему полную свободу предаваться исключительно богомыслию

и молитвъ. Но въ своей монастырской кельѣ рѣдко онъ пре бывалъ: въ полуверстѣ отъ монастыря, въ чащѣлѣса среди топкой болотистой мѣстности, имъ была устроена небольшая деревянная келія, похожая, впрочемъ скорѣе на шалашъ, чѣмъ на постоянное человѣческое жильѣ. Вотъ сюда-то онъ и любилъ удаляться, гдѣ проводилъ большую часть времени, упражняясь въ постѣ и молитвѣ и прочихъ отшельническихъ подвигахъ, вѣдомыхъ единому Богу.

Слава о строго-подвижнической жизни и духовныхъ дарованіяхъ смиреннаго раба Божія Іоанна скоро распространилась и за предалами монастыря, и къ нему стали стекаться въ большомъ количествѣ съ разныхъ сторонъ посѣтители съ разными душевными и тѣлесными недугами. И здѣсь, предъ этимъ скромнымъ старцемъ, простымъ послушникомъ слагали они свое тяжелое бремя жизни, раскрывали предъ нимъ свои душевные недуги, жаловались на удары судьбы, искали разрѣшенія на свои различныя недоумѣнія и уходили отсюда съ облегченнымъ сердцемъ и примиренными съ своимъ положеніемъ и со своею мятежною совѣстію. Даже самый видъ этого изможденнаго трудами и строгою жизнію старца производилъ на всѣхъ благотворное впечатлѣніе, и многіе тутъ же при всѣхъ падали предъ нимъ на колѣни, со слезами прося поддержки и утѣшенія.

И всѣхъ принималъ онъ къ себѣ всегда ласково, съ привѣтливою улыбкою, готовый съ плачущимъ плакать, съ радующимся радоваться, и не дѣлая и тѣни различія между богатыми и бѣдными—всѣ были для него равны и никогда не принималъ онъ никакихъ приношеній отъ посѣтителей.

Но, несмотря на сильную любовь и состраданіе къ ближнимъ, онъ все-таки жаждалъ себѣ уединенія, гдѣ бы, не развлекаемый никакими житейскими попеченіями могъ усладить свою душу бесѣдою съ Господомъ. Поэтому-то онъ и любилъ удаляться въ свою пустынную келейку, куда не имѣли доступа не только мірскіе люди, но даже и изъ числа своей братіи рѣдко кто рѣшался нарушить его одиночество.

Эта пустынная келейка его, къ сожалѣнію, до настоящаго времени не сохранилась; извѣстно только ея мѣсто: полузаплывшія канавки, выкопанныя вокругъ нее, да нѣсколько имъ самимъ подчищенныхъ старыхъ березъ мол-

чаливо свидѣтельствуя о его на семь мѣстѣ отшелничествѣ.

Духовное преуспѣяніе увѣчнаго Ивана Семеновича выразалось его замѣчательною прозорливостію, окоторой немало сохранилось какъ записей, такъ равно изустныхъ преданій среди братіи Нило-Сорской пустыни, между которыми до настоящаго времени живы еще нѣкоторые со временники его, сохранившіе о немъ добрую память и много разсказовъ о различныхъ чудесныхъ происшествіяхъ съ нимъ. Такъ, на примѣръ, извѣстенъ слѣдующій замѣчательный случай съ нимъ изъ его ранняго еще юношества, записанный со словъ самого Ивана Семеновича.

Живя въ мирѣ, Иванъ Семеновичъ, по своей склонности къ тихой иноческой жизни, любилъ часто посѣщать Аврааміевскій мужской монастырь, гдѣ онъ могъ горячо молиться предъ чудотворною иконою Чухломской Божіей Матери. Монастырь этотъ основанъ преподобнымъ Аврааміемъ, постриженцемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, на сѣверной сторонѣ Чухломскаго озера, Костромской епархіи.

Возвращаясь однажды изъ сего монастыря домой, ему пришла мысль сдѣлать снимокъ съ чудотворной иконы Божіей Матери, передъ которой онъ только что молился. Всю дорогу занимала его эта мысль и наконецъ обратилась въ сильное желаніе во что бы то ни стало написать точную копию съ этой иконы. Придя домой, Иванъ Семеновичъ усердно помолился предъ иконою Царицы Небесной, прося Ее о скорѣйшемъ исполненіи его сердечнаго желанія, и съ этою мечтою легъ спать. Вдругъ, около полуночи, онъ слышитъ, будто кто его будить. Проснувшись и придя въ себя, онъ видитъ предъ собою согбеннаго слѣдовласаго старца, который будить его и велитъ немедленно одѣваться и слѣдовать за нимъ. Иванъ Семеновичъ, тотчасъ же одѣвшись, пошелъ за старцемъ; когда они подошли къ озеру, которое имъ необходимо нужно было переходить, то старецъ, перекрестивши озеро, пошелъ по нему какъ по суху и велѣлъ идти за собою и Ивану Семеновичу, который, перекрестившись, также послѣдовалъ за незнакомцемъ. Перейдя озеро, они скоро подошли къ стѣнамъ Аврааміевскаго монастыря, ворота котораго сами собою растворились предъ ними, и они свободно прошли туда, — также невидимою рукою растворились предъ ними и церковныя двери. Когда они вошли въ церковь старецъ

сказалъ: „ну, теперь дѣлай снимокъ съ иконы Божіей Матери, свѣтло тебѣ будетъ“. Сказавъ сіе, старецъ сдѣлался невидимъ. Оставшись одинъ въ церкви, Иванъ Семеновичъ, при необыкновенномъ свѣтѣ, скоро и вѣрно снялъ нужный ему снимокъ, затѣмъ вышелъ въ растворенныя церковныя и монастырскія двери, прошелъ немокренно озеро и возвратился домой радуясь, что такъ скоро и чудодѣйственно исполнилось его сердечное желаніе. Старецъ же, по словамъ Ивана Семеновича, былъ не кто иной, какъ самъ преподобный Авраамій.

Живя въ Нило-Сорской пустыни и будучи такимъ ревностнымъ подвижникомъ и неусыпнымъ борцомъ со своею грѣховною природою, сей славный воинъ Христовъ часто возбуждалъ противъ себя своею богоугодною неподражаемою жизнію гнѣвъ и злобное коварство врага рода человѣческаго и завистника всякаго добра діавола, который всѣми силами старался какъ можно больше причинить сему скромному труженнику вреда и обидъ. Но, будучи всегда побѣждаемъ отъ него и постоянно терпя неудачу въ своихъ лукавыхъ замыслахъ противъ его полной самоотверженности ради спасенія своей души, діаволь, по допущенію Божію, нерѣдко дѣлалъ насиліе и надъ слабою и немощною плотію увѣчнаго Ивана Семеновича, часто являясь ему даже въ видимомъ образѣ.

Такъ, на примѣръ, современникъ Ивана Семеновича старецъ схи-игумень Ниль, проживающій нынѣ въ Успенскомъ скитѣ при той же пустыни, рассказываетъ, что когда онъ, будучи послушникомъ, проходилъ послушаніе повара а Иванъ Семеновичъ - трапезаря и, за неимѣніемъ отдѣльной комнаты, спалъ въ трапезѣ, то, говоритъ, иногда чуть не цѣлую ночь слышался тамъ какой-то странный звукъ, какъ будто ударяли въ сковороду, поднималась страшная возня, и Ивана Семеновича находили измученнаго, съ подбитыми глазами и даже язвами на тѣлѣ. Въ виду этого, кухонные иногда боялись по одиночкѣ остататься на кухнѣ, которая была смежна съ трапезою, а потому ясно доносилось до нихъ все, что происходило тамъ съ Иваномъ Семеновичемъ.

Разъ застали его настолько слабымъ и избитымъ, что онъ лежалъ съ слабыми признаками жизни, еле дышалъ и не имѣлъ силъ подняться съ полу, на которомъ лежалъ среди трапезы. Когда стали его спрашивать, что съ нимъ случилось, то онъ, немного оправившись, рассказалъ

слѣдующее: Когда вся братія послѣ ужина ушла изъ трапезы, а онъ, убравъ со стола и перемывъ посуду, хотѣлъ предаться своей обычной молитвѣ, въ это время вся трапеза наполнилась нечистыми духами въ образѣ чловѣковъ, которые явились съ разными музыкальными инструментами, и нѣкоторые изъ нихъ стали играть, заставляя Ивана Семеновича плясать; когда же онъ не соглашался, то схватили его и начали поднимать на воздухъ, чуть не до самаго потолка, а оттуда опускать на полъ. Затѣмъ принесли какое-то колесо и начали катать на немъ Ивана Семеновича и такимъ образомъ промучили его до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не лишился сознанія.

— Зачѣмъ же ты не отгоняешь ихъ крестнымъ знаменемъ, — этимъ всесильнымъ и страшнымъ для нихъ оружіемъ? — иногда говорили ему нѣкоторые старцы.

— А, вы ничего не знаете — отвѣтитъ иногда Иванъ Семеновичъ на своемъ странномъ нарѣчїи: они прежде всего схватятъ меня за руки и держатъ, чтобъ я не могъ сотворить крестнаго знаменія.

Иногда такъ часто и съ такимъ ожесточеніемъ нападали на него бѣсы, что онъ боялся одинъ быть ночью и просилъ кого-нибудь изъ братїи приходиться къ нему ночевать.

Однажды Иванъ Семеновичъ возвратился въ монастырь изъ своей пустынной кельи, куда онъ обыкновенно удалялся къ ночи, послѣ своихъ дневныхъ трудовъ, въ страшно изуродованномъ видѣ: на лбу его была огромная шишка, одинъ глазъ подбитъ и почти совершенно закрылся отъ сильной опухоли, разлившейся по всему лицу. По всему было видно, что этотъ смиренный труженникъ Христовъ подвергся чьему-то нападенію. Изъ распросовъ же братїи выяснилось, что когда онъ по окончанїи вечерняго правила, по своему обыкновенію, отправился въ свою лѣсную келїю и дошелъ до двухъ тропинокъ, одна изъ коихъ вела въ лѣсъ, а другая къ его кельи, онъ встрѣтилъ эііопа, въ образѣ очень высокаго и страшнаго на видъ чловѣка, чернаго и съ толстою обожженною палкою въ рукахъ. Подойдя близко къ Ивану Семеновичу, этотъ страшный незнакомецъ грозно закричалъ на него: „Зачѣмъ ты поставилъ себѣ эту келью здѣсь, на нашемъ мѣстѣ, да еще Марїю сюда зачѣмъ-то принесть; прочь отсюда!“ — и онъ, при этихъ словахъ, съ страшной силой

ударилъ его по головѣ своею палкой, а потомъ съ громкимъ гикомъ и хохотомъ быстро исчезъ въ чащѣ лѣса. Иванъ Семеновичъ долго лежалъ почти безъ сознанія отъ полученнаго имъ удара и наконецъ съ трудомъ добрелъ до своей кельи. Шрамъ же на головѣ его отъ сего удара остался до самой его смерти. Но никакія угрозы со стороны противоборника всякаго добра—діавола, ни совѣтъ братіи прекратить эти, хотя бы только ночныя, посѣщенія своей отшельнической кельи не могли заставить его измѣнить своему, разъ намѣченному, пути строгаго подвижничества, и онъ попрежнему большую часть времени проводилъ въ своемъ излюбленномъ уединеніи.

Разъ, будучи сильно удрученъ отъ нападенія злыхъ духовъ и изнемогая отъ постоянной борьбы съ ними Иванъ Семеновичъ поздно вечеромъ сидѣлъ возлѣ окна въ своей кельѣ. Вдругъ видитъ, окно невидимою рукою отворяется, и онъ зреть предъ собою свѣтлаго благообразнаго мужа, похожаго, по его мнѣнію, на архидіакона Стефана. Сей благообразный мужъ подаетъ ему мѣдный осмиконечный крестъ и говоритъ: „Вотъ тебѣ, Иванъ Семеновичъ крестъ; возьми его и ограждайся, когда будутъ нападать на тебя бѣсы; онъ тебѣ по можетъ“.—Сказавъ сіе, св. мужъ сталъ невидимъ. Съ этого времени онъ, дѣйствительно, меньше сталъ подвергаться нападенію со стороны бѣсовъ. Крестъ же этотъ оказался собственнымъ Ивана Семеновича, но до сего времени лежалъ у него безъ употребленія потому что онъ былъ осьмиконечный, а Ив. Сем., до этого вразумленія, думалъ, что крестъ долженъ быть только четвероконечнымъ.

За такіе труды и необычайные подвиги и лишенія подъятыя имъ по горячей любви и преданности къ Спасителю своему, Господу нашему Іисусу Христу, Иванъ Семеновичъ удостоился разъ посѣщенія Самой Царицы Небесной и получилъ отъ Нея исцѣленіе отъ своего тѣлеснаго недуга. Въ одно время онъ сильно захворалъ, отчего не могъ выходить изъ своей отшельнической кельи; братія обитатели не знали о случившейся съ нимъ болѣзни, а потому онъ лежалъ тамъ нѣсколько дней одинъ безпомощнымъ, не имѣя возможности дать знать кому-нибудь въ монастырѣ, чтобъ его навѣстили. Въ одну ночь, когда болѣзнь его особенно сильно давала себя чувствовать, вдругъ онъ видитъ, какъ по всей кельѣ его неожиданно

разлился какой-то необыкновенный свѣтъ, и вслѣдъ за этимъ вошли къ нему три жены необычайной красоты, между которыми въ лицѣ одной Жены, болѣе другихъ прекрасной и величественной, онъ сейчасъ же узналъ Царицу Небесную. Она подошла къ нему и говоритъ:

— Встань, Иванъ Семеновичъ: вотъ Я принесла тебѣ кушанья; поѣшь, и ты будешь здоровъ, — при этихъ словахъ Она подаетъ ему простое деревянное блюдо, въ которомъ оказались простые щи, какія обыкновенно бываютъ въ монастырѣ, съ накрошеннымъ въ нихъ чернымъ хлѣбомъ (это было единственное и любимое кушаніе Ивана Семеновича, которымъ только онъ и питался за всю свою жизнь въ пустыни). Онъ тотчасъ же всталъ, взялъ изъ пречистыхъ рукъ Царицы Небесной любимое свое кушанье, поѣлъ и говоритъ:

— Какъ хорошо мнѣ теперь; спасибо Вамъ; побудьте здѣсь хотя немного.

— Нѣтъ, нельзя Намъ долго быть у тебя, — отвѣтила Божія Матерь, — у насъ много еще другихъ больныхъ, и нужно всѣхъ ихъ посѣтить.

— А это кто съ Тобою? — спросилъ тогда старецъ, указывая на двухъ спутницъ Божіей Матери.

— Это Великомученица Екатерина и преподобная Анастасія — отвѣчала Царица Небесная, и при этихъ словахъ всѣ трое стали невидимы, а Иванъ Семеновичъ съ тѣхъ поръ сталъ совершенно здоровъ.

Иванъ Семеновичъ одаренъ былъ и даромъ прозорливости.

Бывало, въ церкви, во время богослуженія, на кого пристально посмотреть или погрозить кому пальцемъ, то всѣ уже знали, что это не такъ, что этотъ братъ обуреваемъ какими-либо непристойными мыслями, несоотвѣтствующими ни мѣсту, ни времени. И прозорливецъ всегда, бывало, улучшить время гдѣ-нибудь наединѣ обличить такового брата и сдѣлаетъ должное внушеніе, насколько грѣшно быть въ церкви за богослуженіемъ и въ то же время предаваться суетнымъ мечтамъ или питать на кого злобу, что дѣлаетъ радость врагу-дѣволу и воздвигаетъ на брата гнѣвъ Божій. И обличенія его были всегда справедливы и вызывали въ обличаемыхъ чувства раскаянія и исправленія, ибо они были растворяемы истинною братскою о Христѣ любовію и исходили изъ младенчески-незлобиваго сердца.

Нерѣдко видѣлъ Иванъ Семеновичъ огненный пламень, исходящій изъ устъ у тѣхъ изъ братіи, которые, выходя утромъ на монастырское послушаніе, начинали свое дѣло съ молитвеннымъ къ Богу воззваніемъ и при томъ ограждали себя крестнымъ знаменіемъ. Также видалъ онъ, какъ за нѣкоторыми новопостриженными иноками до восьми дней ходятъ два ангела, изъ коихъ одинъ во время трапезы благословляетъ новопостриженному пищу, а другой кадитъ.

Разъ, въ одинъ воскресный день, во время трапезы, Иванъ Семеновичъ долго и пристально смотрѣлъ на одного обѣдающаго брата и наконецъ громко разсмѣялся. Братъ этотъ былъ очень начитанный и набожный послушникъ (впослѣдствіи іеромонахъ Филаретъ), проходилъ послушаніе конюха и за свое хорошее поведеніе былъ уважаемъ отъ всей братіи обители. Всѣ, конечно, замѣтили этотъ смѣхъ избранника Божія и недоумѣвали о его причинѣ.

Когда же окончилась трапеза, и многіе изъ братіи, вмѣстѣ съ виновникомъ вызваннаго смѣха, послушникомъ Филаретомъ, стали его спрашивать о причинѣ смѣха, то онъ отвѣчалъ:

А неужели вы ничего не видали?—Только что сѣли за столъ, и чтець, получивъ благословеніе, началъ обычное рядовое чтеніе, какъ въ это время одинъ бѣсъ притащилъ хомутъ, сѣделку и прочія принадлежности конной сбруи и все это началъ надѣвать на послушника Филарета. Когда же наконецъ бѣсъ сталъ стараться надѣть на него узду и все у него не ладилось, то я не могъ больше выдержать и засмѣялся, послѣ чего бѣсъ скоро исчезъ.

Послушникъ же этотъ Филаретъ разсказалъ, что онъ пришелъ сегодня въ трапезу очень разстроеннымъ и недовольнымъ тѣмъ, что у него оказалось много попорченной, устарѣвшей сбруи, которая требовала починки, а потому сегодня же, несмотря на праздничный день, ему нужно заняться этимъ дѣломъ. Съ этими мыслями сидѣлъ онъ за столомъ и не слушалъ, что читалось во время трапезы.

Однажды пришелъ въ обитель крестьянинъ среднихъ лѣтъ, малограмотный и препростой по наружности, и поступилъ въ число братіи. Иванъ Семеновичъ видимо полюбилъ его и часто говорилъ ему: „живи, живи здѣсь въ монастырѣ,—впослѣдствіи строителемъ будешь его“. Кре-

стыянинъ этотъ, по имени Θεодоръ, дѣйствительно поживъ въ монастырѣ, былъ въ немъ постриженъ въ монашество съ именемъ Θεοφана, сподобился іеромонашества и наконецъ избранъ былъ въ настоятели, каковую должность и проходилъ до самой своей смерти, послѣдовавшей еще при жизни Ивана Семеновича, котораго онъ чтить и уважалъ, какъ самаго родного человѣка, называя истиннымъ своимъ духовнымъ отцомъ и признавая его избранникомъ Божиимъ.

Этотъ строитель іеромонахъ Θεοφанъ, несмотря на свою малограмотность и простое званіе, ознаменовалъ свое славное управленіе Нило-Сорской обителью тѣмъ, что онъ отдѣлилъ ее отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, сдѣлавъ самостоятельную, обезпечилъ денежнымъ вкладомъ выстроилъ въ ней прекрасный двухъ этажный каменный настоятельскій корпусъ и воздвигъ большую часть каменной же ограды вокругъ церквей, вмѣсто прежней полуразрушившейся деревянной, съ помѣщеніемъ въ ней братскихъ келій.

Нерѣдко Иванъ Семеновичъ говаривалъ прозорливо и другимъ послушникамъ; иному скажетъ: „ты поживешь здѣсь немного, уйдешь въ міръ и тамъ женишься“ другому скажетъ: „ты нашъ, здѣсь останешься, монахомъ будешь“. И его слова всегда сбывались въ точности.

Близкимъ другомъ и духовнымъ утѣшителемъ и сомолитвенникомъ Ивана Семеновича былъ другой извѣстный подвижникъ Нило-Сорской пустыни старецъ іеросхимонахъ Нилъ, проживавшій въ то время въ Іоанно-Предтеченскомъ скитѣ при пустыни. Эти дивные по своей строго-подвижнической жизни старцы часто дни и ночи проводили вмѣстѣ въ молитвахъ и духовныхъ бесѣдахъ, забывая объ отдыхѣ и пищѣ, и каждый изъ нихъ старался превзойти другъ друга въ своемъ подвижничествѣ и въ то же время дѣлая предпочтеніе одинъ другому.

Кромѣ іеросхимонаха Нила были въ обители и другіе старцы, отличавшіеся высокоподвижническою жизнію, къ которымъ Иванъ Семеновичъ питалъ особенное уваженіе и предпочтеніе. Таковымъ, на примѣръ, являлся всѣми уважаемый старецъ іеросхимонахъ Сергій, родной братъ вышеупомянутаго строителя пустыни іеромонаха Θεοφана, который, совмѣстно со своимъ братомъ—строителемъ, много потрудился для благоустройства обители, а за свою духовную опытность былъ избранъ братскимъ духовни-

комъ, каковую обязанность и проходилъ до самой своей смерти, достигши глубокой старости.

Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ еще одного старца, современника Ивана Семеновича, пользовавшагося любовью послѣдняго. Это былъ отставной чиновникъ, капитанъ Федоръ Николаевичъ Булычевъ, уроженецъ города Кириллова. Онъ въ обитель поступилъ уже не молодымъ, но скоро сталъ извѣстенъ, какъ строгій аскетъ, отличавшійся необычайной простотой, полной нестяжательностію и смиреніемъ. Обыкновенною его пищею былъ черный хлѣбъ и квась; въ братскую же трапезу онъ ходилъ только въ одни праздники и то старался придти туда послѣ всѣхъ, когда трапеза уже кончалась и пользовался тѣмъ, что оставалось послѣ братіи. Федоръ Николаевичъ ежегодно получалъ пенсію, около 100 рублей ассигнаціями—и какъ только получить деньги, то за первую же церковною службою закупить, бывало, восковыхъ свѣчъ, разставить ко всѣмъ иконамъ, а оставшіяся деньги сейчасъ же относить настоятелю. Въ свободное отъ богослуженій время онъ предавался безмолвію и чтенію св. писанія, любимымъ же его чтеніемъ были Псалтирь и Евангеліе. Этотъ старецъ любилъ полное одиночество, не могъ хладнокровно терпѣть ни малѣйшаго осужденія другихъ, избѣгалъ всякихъ постороннихъ разговорсъ и никогда не интересовался никакими новостями монастырской жизни, не говоря уже о жизни мірской. Эта его отчужденность отъ всего внѣшняго міра доходила до того, что онъ о смѣнѣ, на примѣръ, своего настоятеля (настоятели въ то время часто смѣнялись по волѣ начальства Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, подъ вѣдѣніемъ котораго состояла пустынь) узнавалъ по довольно продолжительномъ времени и то какъ нибудь случайно.

Онъ, какъ и Иванъ Семеновичъ, страшно любилъ всякое живое существо: никогда не позволить не только себѣ но и другимъ въ его присутствіи раздавить какую-нибудь букашку, — а потому его убогая келья была полна разныхъ насѣкомыхъ. Кромѣ того, онъ ежедневно кормилъ изъ своихъ рукъ ворона, который въ определенное время дня, когда старецъ выходилъ на крыльцо своей кельи за-слышавъ хорошо знакомый ласковый голосъ, подлеталъ, довѣрчиво садился къ нему то на плечи, то на голову и клевалъ изъ рукъ старца свою обычную порцію хлѣба. Булычевъ съ Иваномъ Семеновичемъ жили очень дружно и

часто дѣлились между собою своими духовными опытами

На мѣстѣ, нѣкогда непроходимомъ, болотистомъ, нынѣшняго Успенскаго скита, при сей же пустыни, устроеннаго старцемъ іеросхимонахомъ Ниломъ, за нѣсколько времени до его возникновенія Иванъ Семеновичъ въ одну ночь видѣлъ изъ своей пустынной кельи огненный столпъ и чудное ангельское пѣніе: „слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ чловѣцѣхъ благоволеніе“. Долго смотрѣлъ онъ на сіе дивное зрѣлище, объятый священнымъ трепетомъ и страхомъ, а потомъ многимъ изъ братіи рассказывалъ объ этомъ видѣніи, предсказывая духовную славу сего мѣста.

Его предсказаніе скоро исполнилось старецъ іеросхимонахъ Ниль, стремясь къ совершенному стшельничеству, ниходилъ, своей Предтеченскій скитъ, поегооткрытому мѣстоположенію и близости къ монастырю, не совсѣмъ удовлетворяющимъ своему душевному стремленію, а потому рѣшилъ построить для себя сначала небольшую деревянную келейку, для чего и избралъ себѣ самое топкое непроходимое мѣсто въ глухой чащѣ лѣса, на юго-востокъ отъ Предтеченскаго скита, какъ разъ то самое, на которое раньше указывалъ прозорливецъ Иванъ Семеновичъ.

Вскорѣ затѣмъ старецъ Ниль, по особому откровенію Божію, поставилъ здѣсь небольшую деревянную церковь во имя Успенія Божіей Матери, устроилъ двѣ деревянные часовенки, выкопалъ возлѣ нихъ небольшой прудокъ и все это обнесъ деревянною оградой, назвавъ этотъ новый скитокъ „Геѣсиманіей“. Здѣсь онъ въ полномъ отшельничествѣ безвыходно прожилъ послѣднія 10 лѣтъ своей подвижнической жизни, и здѣсь же погребено его тѣло возлѣ алтаря съ восточной стороны.

Добрый подвижникъ Иванъ Семеновичъ подъ конецъ своей жизни, въ 1857 году 10 октября, былъ облеченъ въ рясофоръ и въ этомъ иноческомъ званіи, послѣ непродолжительной болѣзни и многотрудной высокоподвижнической жизни, тихо предалъ праведную свою душу Господу, Которому посвятилъ онъ всю свою жизнь съ самаго ранняго возраста. Скончался онъ, оплакиваемый всею братіею обители, 13-мая 1863 года на 61 году своей жизни, оставивъ полъ себя въ Нило-Сорской пустыни самую добрую и доселѣ благоговѣйно чтимую память.

Іеросхимонахъ Іоаннъ.

(подвижникъ Нило-Сорской пустыни)

(† 20 Іюля 1903 года).

На ряду съ современными намъ подвижниками вѣры и благочестія, безспорно, не послѣднѣе мѣсто можетъ занимать и сей старецъ, Іеросхимонахъ Іоаннъ, замѣчательный подвижникъ Нило-Сорской пустыни. Іеросхимонахъ Іоаннъ, въ мирѣ Иванъ Никитинъ, извѣстный подъ прозваніемъ Судбицкаго, происходилъ изъ крестьянъ, прихода Судбицы, Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ.. Родился онъ 25 января 1830 года отъ благочестивыхъ и очень религіозныхъ родителей—поселянъ Никиты и жены его Евдокіи, впоследствии тоже покинувшихъ міръ и умершихъ въ монашествѣ, отецъ съ именемъ Николая въ сей же пустыни, а мать съ именемъ Еликониды въ Горицкомъ женскомъ монастырѣ. Всѣхъ дѣтей у нихъ было четыре сына: Іоаннъ изъ нихъ былъ старшій, второй Глѣбъ, схи-игумень о. Ниль, третій Моисей, въ монашествѣ Макарій, умершій въ сей же пустыни въ санѣ іеродіакона, и четвертый Петръ. Еще живя въ міру это благочестивое семейство пользовалось большимъ уваженіемъ и почетомъ, не только отъ своихъ односельчанъ, но и отъ всего прихода. Въ домѣ Никиты каждый воскресный и праздничный день устраивались духовныя собесѣдованія съ чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ, куда шли любители слова Божія даже изъ отдаленныхъ деревень. Кружокъ любителей духовно-нравственнаго чтенія постепенно увеличивался и религіозная волна охватила, наконецъ, весь, сравнительно небольшой, приходъ, такъ что просторная крестьянская изба не могла уже вмѣщать въ себя всѣхъ желающихъ послушать слова Божія и сказаній о жизни св. великихъ подвижниковъ. Такое душеспасительное времяпрепровожденіе не могло, конечно, не отразиться на слушающихъ, а потому многіе изъ нихъ стали приходить къ убѣжденію, что, какъ видно изъ житій святыхъ, для угожденія Богу болѣе всего способствуетъ жизнь иноческая, вдали отъ мірской суеты.

И вотъ, второй сынъ Никиты, Глѣбъ, имѣя только еще 15 лѣтъ отъ роду, во время зимнихъ работъ, тайно отъ родителей, уходитъ въ извѣстную ему тогда Нило-Сорскую пустынь. Здѣсь жило уже нѣсколько его земляковъ-сосѣдей, между которыми былъ родной дядя его отца Иларіонъ, а потому юношу приняли здѣсь очень ласково, проживъ нѣсколько времени, и, не имѣя вида на жительство, онъ вынужденъ былъ возвратиться въ родную семью. Но, вкусивъ сладости монастырской жизни, онъ тяготился уже всѣмъ мірскимъ, его впечатлительная душа рвалась къ иноческимъ подвигамъ и онъ сталъ уговаривать своего старшаго брата Іоанна бросить суету мірской жизни и уйти съ нимъ вмѣстѣ въ монастырь. Іоанъ съ радостію согласился на предложеніе брата, и вотъ, испросивъ родительское благословеніе, оба брата, еще юноши, не вкусившіе радостей земной жизни, покинули родительскій кровъ и всю суету мірской жизни и поступили въ Нило-Сорскую пустынь въ 1849 году; Глѣбу въ то время было 16 лѣтъ, а Іоанну 19 лѣтъ отъ роду. Нѣсколько лѣтъ спустя прибылъ сюда и отецъ ихъ Никита, съ послѣдними двумя сыновьями, очень еще юными: старшему изъ нихъ, Моисею, было 12 лѣтъ, а второму, Петру, около 10 лѣтъ отъ роду. Жену же свою, Евдокію, онъ опредѣлилъ въ Горицкій монастырь, которая и умерла здѣсь въ 1889 г. Самъ же Никита скончался въ 1880 году въ монашескомъ чинѣ.

Итакъ, Іоанъ былъ старшимъ сыномъ Николая. Онъ былъ очень высокаго росту, крѣпкаго тѣлосложенія и отличался замѣчательно красивою наружностію. Образованіе онъ получилъ только домашнее-самоучкою, но могъ хорошо читать и писать. Обладая хорошимъ здоровьемъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, по вступленіи въ обитель, онъ несъ самыя трудныя монастырскія послушанія, исполнялъ различныя работы съ полнымъ усердіемъ и стараніемъ. Своєю сердечною простотою, искреннимъ смиреніемъ и послушеніемъ, Іоаннъ скоро обратилъ на себя вниманіе монастырскаго начальства и пріобрѣлъ уваженіе отъ всей братіи обители, служа примѣромъ во всѣхъ иноческихъ добродѣтеляхъ. Съ самаго ранняго дѣтства пріучивъ себя къ воздержанію, онъ, по вступленіи въ монастырь, прямо поражалъ братію стро-

гостью къ себѣ. Такъ онъ всю жизнь не пилъ чаю, не говоря уже о спиртныхъ напиткахъ, которыхъ не рѣшался принимать даже въ такихъ случаяхъ, когда врачи совѣтовали принимать ихъ въ видѣ лѣкарства.

Въ виду того, что Нило-Сорская пустынь въ то время очень нуждалась въ матеріальномъ вспоможеніи, о. Іоанна, какъ болѣе другихъ способнаго и благонадежнаго, ежегодно стали посылать по сбору, вслѣдствіе чего, у него оказалась во всѣхъ городахъ масса знакомыхъ. Здѣсь его ожидали и принимали не какъ только сборщика-попрошайку, но какъ добраго дорогого гостя. И онъ своими нехитростными рѣчами и своимъ строгимъ отношеніемъ къ себѣ, всюду вносилъ одно какое-то душевное успокоеніе и часто служилъ миротворцемъ въ семьяхъ не только богатыхъ куццовъ, но даже и знатныхъ господъ. Случалось, что иногда долго не являлся онъ къ своимъ знакомымъ за сборомъ, то послѣдніе ожидали его съ нетерпѣніемъ и даже приглашали его письмами. Вслѣдствіе этого, конечно, и результаты его сборовъ были поразительны: такъ въ теченіе десятка лѣтъ имъ пріобрѣтено въ обитель не менѣе 50-ти тысячъ рублей, благодаря чему, пустынь скоро стала приходиться въ благоустроенный видъ и имѣть возможность быть самостоятельною, отдѣлившись отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

Но міръ былъ не по сердцу молодому иноку, его душа жаждала безмслвной тишины и спокойствія, и вотъ, послѣ долгихъ годовъ сбора, онъ въ 1865 году 12 декабря былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Іосифа и въ томъ же году, испросивъ у настоятеля благословеніе, помѣстился въ Іоанно-Предтеченскомъ скитѣ, гдѣ и прожилъ около 20 лѣтъ совершенно одинокимъ, не имѣя даже келейника. Въ 1866 году о. Іосифъ былъ посвященъ въ іеродіакона, а 1869 году въ санъ іеромонаха и опредѣленъ братскимъ духовникомъ. Живя въ Предтеченскомъ скитѣ въ санѣ іеродіакона и іеромонаха, онъ ходилъ въ монастырь отправлять чередное священнослуженіе, а все свободное отъ богослуженія время проводилъ въ различныхъ трудахъ по монастырю и, несмотря на священный санъ, онъ не избѣгалъ самыхъ тяжелыхъ и черныхъ работъ. У себя же въ скиту онъ насадилъ прекрасную липовую рощу,

развелъ садъ и огородъ, а отъ ограды скита и до монастыря, по обѣимъ сторонамъ дороги, насадилъ аллею березокъ, которые въ настоящее время разрослись въ огромныя деревья. Здѣсь, ведя совершенно одинокой образъ жизни, онъ день проводилъ въ трудахъ, а ночь въ молитвѣ, поддерживая свои силы самою скудною пищею. Отъ непосильныхъ трудовъ и продолжительныхъ стояній на молитвѣ, у него стали болѣть и пухнуть ноги, такъ что иногда съ трудомъ могъ ходить. Врагъ же рода человѣческаго вѣрно позавидовалъ такому богоугодному житію сего смиреннаго старца и, попущеніемъ Божиимъ, устроилъ ему такое искушеніе, что старецъ вынужденъ былъ оставить свой любимый скитокъ и возвратиться опять въ монастырь. Разъ, придя въ скитъ послѣ монастырской всенощной, старецъ встрѣтилъ въ сѣняхъ своей келліи нѣсколько замаскированныхъ человѣкъ, которые набросились на него, связали ему руки и ноги и потребовали денегъ. Старецъ не сказалъ имъ, гдѣ лежатъ у него деньги и разбойники, оставивъ его въ сѣняхъ связаннаго, сами направились въ келлію. Обшаривъ всѣ углы келліи и не найдя ничего цѣннаго, они прошли въ церковь и тамъ похитили: съ св. престола св. антиминосъ, нѣсколько старинныхъ книгъ и другихъ священныхъ предметовъ. Послѣ сего настоятель не разрѣшилъ больше ему жить въ скитѣ и о. Іоаннъ съ покорностью долженъ былъ повиноваться волѣ настоятеля. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ, старецъ подвергся болѣзни, въ которой онъ находился нѣсколько мѣсяцевъ и тогда надъ нимъ совершенно было таинство елеосвященія. Когда болѣзнь миновала, онъ пожелалъ принять на себя великій ангельскій образъ—св. схиму, въ которую и былъ облеченъ 13 ноября 1891 года настоятелемъ пустыни о. Герасимомъ, роднымъ братомъ его (въ схимѣ Нилъ), съ нареченіемъ прежняго имени Іоанна. Принявъ св. схиму о. Іоаннъ всецѣло посвятилъ себя молитвѣ и посту, а вскорѣ былъ утѣшенъ великою къ нему милостію своего Архипастыря Владыки Феоноста, который посѣтилъ Нило-Сорскую пустынь и будучи плѣненъ безмолвной тишиной и уединенностью скитовъ, тутъ же благословилъ старца о. Іоанна, къ великой его радости, переселится въ Успенскій скитъ, какъ болѣе благоустроенный и болѣе уединенный, чѣмъ

Предтеченскій, приказаль дать ему нѣсколько благонадежныхъ послушниковъ и все потребное къ богослуженію.

Поселившись въ Успенскомъ скитѣ, куда перешель онъ на праздникъ Успенія Пр. Богородицы въ 1895 году, Іеросхимонахъ Іоаннъ весь отдался духовнымъ подвигамъ, ежедневно до самой своей кончины соединяясь со Христомъ причащеніемъ Св. Таинъ. Духовные его подвиги иногда простирались до крайнихъ предѣловъ. Такъ, на примѣръ, онъ цѣлыми годами питался одними овощами, однимъ картофелемъ, не вкушая даже простого черного хлѣба. Кромѣ того, для большаго еще умерщвленія плоти, онъ носилъ на своемъ тѣлѣ тяжелыя желѣзныя вериги, которыя снялъ только за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, какъ болѣе уже не нужныя для крайне изможденнаго тѣла. Вслѣдствіе чрезмѣрнаго поста и усиленныхъ трудовъ у него образовалась страшная болѣзнь живого, причинявшая ему нестерпимыя мученія, и продолжавшаяся болѣе 30 лѣтъ.

Старецъ о. Іоаннъ строго слѣдилъ за своими мыслями и мужественно боролся съ вражескими ухищреніями, который различными способами и уловками старался такъ или иначе смутить духъ славнаго подвижника. Такъ лицамъ, особенно близкимъ къ старцу и пользовавшимся его довѣріемъ, онъ рассказывалъ, что будучи еще молодымъ послушникомъ, проходилъ послушаніе гостинника. Прибыли въ монастырь, по пути въ Соловецкій, нѣсколько знатныхъ особъ. Въ числѣ ихъ была одна молодая, изъ богатой, интеллигентной семьи, дѣвица, которая на другой день, вставъ утромъ, объявила, что у нея сильно болитъ голова и что къ утрени она идти не можетъ, и между тѣмъ, попросила гостинника псдать ей самоваръ и, если найдется, какого либо лѣкарства. Но только что о. Іоаннъ вошелъ къ ней въ номеръ, какъ она неожиданно бросилась къ нему на встрѣчу, заявивъ, что она совершенно здорова и не пошла къ утрени единственно только ради того, чтобъ увидѣться и побыть наединѣ съ нимъ: „увидавъ тебя въ первый разъ—говорила дѣвица—я такъ плѣнилась тобою, что никакъ не могла побороть своей страсти и вотъ рѣшилась прибѣгнуть къ этой хитрости“. О. Іоаннъ, конечно, страшно изумился такой неожиданной и страшной вы-

ходки этой дѣвицы, но скоро понялъ, что это вражеское навожденіе, онъ со слезами на глазахъ началъ увѣщевать ее, представляя ей весь ужасъ ея легкомысленнаго поступка. Дѣвица молчаливо слушала его простыя, но полныя искренности и состраданія слова и, наконецъ, закрывъ лицо руками, съ горькими слезами бросилась къ ногамъ о. Іоанна, прося его простить за такой поступокъ и помолиться за нее. О. Іоаннъ, конечно, ее успокоилъ и просилъ никогда не вспоминать его. Но

Іеросхимонахъ Іоаннъ, подвижникъ Нило-Сорской пустыни.

доброе сердце дѣвушки никогда не могло забыть сего случая. Она вскорѣ послѣ этого вышла замужъ за очень богатаго человѣка, и они оба съ мужемъ всю жизнь питали къ нему особенное уваженіе, нерѣдко дѣлая въ его скитъ пожертвованія.

Когда же о. Іоаннъ ѣздилъ по сбору, то немало приходилось ему переносить подобныхъ искушеній, но благодать Божія за его труды и подвиги видимо охраняла его. Такъ, ночуя въ мірскихъ домахъ и видя близость

соблазна и искушенія, онъ не ложился въ постель; а зажигаль свѣчу предъ иконою преп. Нила, которую постоянно имѣлъ при себѣ и отъ которой нерѣдко по вѣрѣ бывали исцѣленія и, несмотря на сильное переутомленіе за день, цѣлыя ночи простаивалъ на колѣняхъ, прося преподобнаго предохранить его отъ искушенія.

За время же его пребыванія въ Іоанно-Предтеченскомъ скитѣ, врагъ всевозможными ухищреніями старался смутить или утратить его, но каждый разъ былъ побѣждаемъ симъ доблестнымъ подвижникомъ.

Такъ, однажды, поздно вечеромъ придя старецъ въ свою келлію, къ своему удивленію находить, что на его постели лежитъ, и видимо спитъ молодая женщина, несмотря на то, что какъ келлія, такъ и ограда скита были заперты и ключи были у него съ собою. Когда старецъ сталъ требовать, чтобы она удалилась, то женщина сказала, что это ея мѣсто, и что она не уйдетъ стсюда. Тогда старецъ осѣнилъ ее крестнымъ знаменіемъ и она тотчасъ же бросилась подъ койку, но и тамъ ее уже больше не оказалось; старецъ же убѣдившись, что это вражескія предѣлки и усердно помолившись Господу, преспокойно легъ на ту же койку, будто ничего не бывало. Въ другой разъ, послѣ сильнаго утомленія, только что старецъ легъ на свою постель, какъ вдругъ слышитъ, что кто-то тащитъ съ него одѣяло. Старецъ надернулъ одѣяло на себя, но невидимая сила, снова сбросивъ съ него одѣяло, потащила за ноги уже самого старца и дотащила до дверей келліи. Тогда онъ осѣнилъ себя и вокругъ крестнымъ знаменіемъ и невидимая сила оставила его. Иногда возвращаясь въ скитъ поздно вечеромъ, старецъ видѣлъ какъ окружали его со всѣхъ сторонъ цѣлыя стаи волковъ и съ страшными завываніями пересѣкали ему дорогу, но старецъ безбоязненно шель впередъ, всѣ вражескія козни разрушая крестнымъ знаменіемъ и непрестанною молитвою.

Имя старца о. Іоанна было широко извѣстно, какъ великаго подвижника и аскета, и онъ среди народа пользовался большою популярностью. Каждый день шли къ нему толпы народа, и какъ искусному духовному врачу открывали ему свои наболѣвшія душевныя раны. Онъ всѣхъ принималъ ласково съ сердечною простотою. Братія обители питали къ нему особенную любовь и распо-

ложеніе и шли къ нему со своими скорбями, недоразумѣніями, какъ къ единственно близкому и родному для всѣхъ человѣку. Онъ сумѣлъ каждого успокоить, утѣшить, обласкать, примирить враждующихъ и влить въ сердце каждого любовь къ своему званію, послушанію, а за иныхъ нерѣдко заступался и передъ настоятелемъ.

Особенно необыкновенна была его любовь къ бѣднымъ. Получая со всѣхъ концовъ Россіи массу денежныхъ писемъ, онъ одну часть отдавалъ на нужды монастыря, а другую раздѣлялъ бѣднымъ. Онъ снабжалъ каждого, кто только къ нему обращался. Одному, наприкладъ, дасть на лошадку, другому на сѣмена, третьему поможетъ построиться и обзавестись хозяйствомъ, и т. д.

Чувствуя, что силы ему измѣняются, старецъ пожелалъ послѣднее время своей жизни провести въ совершенномъ уединеніи. И вотъ 14 сентября 1902 года, отслуживъ въ своей скитской церкви въ послѣдній разъ при большомъ стеченіи народа литургію, и простившись съ братією и гостителями, старецъ затворился въ своей келліи и не выходилъ уже больше ни къ кому до самой своей смерти. Только когда постигла его болѣзнь, то онъ разрѣшилъ впустить къ себѣ только своего родного брата о. игумена Герасима и, въ качествѣ врача, Иеромонаха о. Нила.

Послѣднее и единственное желаніе его было—это дожить до дня прославленія, т. е. открытія честныхъ мощей пр. Серафима Саровскаго, къ которому онъ всегда имѣлъ особенную любовь и вѣру, и умереть самому въ одинъ день съ его бывшимъ наставникомъ и руководителемъ, подвижникомъ о. Ниломъ, который скончался на 20-е іюля. И милосердый Господь, всегда исполняющій желанія Своихъ вѣрныхъ рабовъ, послушалъ и сего скромнаго старца. Такъ еще въ первыхъ числахъ іюля о. Іоаннъ почувствовалъ сильную слабость и съ трудомъ могъ ходить по своей келліи. Тогда уже было извѣстно, что открытіе мощей пр. Серафима назначено на 19-е іюля и старецъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего великаго церковнаго торжества. Но вотъ наступило, наконецъ, и 19 іюля. О. Іоаннъ всталъ въ этотъ день значительно бодрѣе, почти не чувствовалъ никакой болѣзни и около 10 час. утра, облачившись въ ризу, въ своей келліи въ первый разъ началъ служить молебенъ новооявленному

угоднику Божію. Послѣ молебна старецъ опять сталъ чувствовать себя хуже и когда пришли къ нему его братъ игумень Герасимъ и іеромонахъ Ниль, то онъ говорилъ имъ, что это уже послѣдній день его земной жизни. На ночь остались при старцѣ о. Ниль и келейникъ и онъ утѣшалъ ихъ своею душеспасительною бесѣдою, при чемъ нѣсколько разъ повторялъ имъ, что до слѣдующаго дня ему уже не дожить. Къ 10 час. вечера старецъ сталъ замѣтно слабѣть и вскорѣ тихо и спокойно испустилъ свой послѣдній вздохъ. Отпѣваніе было совершено въ монастырскомъ храмѣ, сонмомъ духовенства, при громадномъ стеченіи народа. Тѣло его погребено въ Іоанно-Предтеченскомъ скитѣ, на братскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилою его отца, монаха Николая и брата іеродіакона Макарія.

Инокъ Іоаннъ.

Схи-игумень Ниль.

(† 27 октября 1913 года.)

Нило-Сорская пустынь въ лицѣ недавно въ Бозѣ почившаго старца о. схи-игумена Нила понесла великую незамѣнимую утрату. Это былъ ученикъ и послѣдній современникъ великихъ старцевъ подвижниковъ сей обители іеросхимонаха Нила и рясофорнаго монаха Ивана Семеновича и родной братъ подвижника іеросхимонаха Іоанна.

Происходя изъ крестьянской строгой благочестивой семьи, о. схи-игумень Ниль, въ мірѣ Глѣбъ Никитинъ, еще въ дѣтскомъ возрастѣ началъ проявлять склонность къ тихой уединенной жизни и любилъ удаляться обычныхъ дѣтскихъ игръ и забавъ, любимымъ же его времяпрепровожденіемъ было чтеніе душеспасительныхъ книгъ и особенно житій святыхъ. Подъ вліяніемъ

добраго родительскаго воспитанія, а также и чтенія о высокихъ подвигахъ святыхъ, скоро созрѣло въ немъ желаніе и самому быть послѣдователемъ тѣхъ святыхъ подвижниковъ, повѣствованіями о которыхъ такъ услаждалось его юное неиспорченное еще земными удовольствіями, сердце. И вотъ, 16 лѣтъ отъ роду въ 1849 г. юноша Глѣбъ покидаетъ навсегда свой родительскій кровъ и вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ Іоанномъ (впослѣдствіи іеросхимонахъ Іоаннъ) вступаетъ въ число послушниковъ въ крайне бѣдную тогда Нило-Сорскую пустынь.

Вступивъ на иноческій путь, подъ сѣнь обители препод. Нила Сорскаго, онъ какъ бы навсегда умеръ для міра и гесь отдался тому святому дѣланію, какое по иноческимъ правиламъ требуется отъ новоначальнаго. И нѣтъ, кажется, ни одного, самаго труднаго и чернаго послушанія монастырскаго, какого не прошелъ бы онъ и не испыталъ своимъ личнымъ трудомъ и опытомъ. Начиная съ кухни и кончая настоятельствомъ и схимничествомъ, старецъ всю жизнь старался быть на высотѣ своего призванія, и главное, быть не внѣшнимъ только исполнителемъ порученнаго дѣла, но и въ душѣ быть истиннымъ инокомъ.

Духовныя его дарованія и склонность къ аскетической созерцательной жизни обратили на себя вниманіе подвизавшагося здѣсь великаго старца-подвижника извѣстнаго іеросхимонаха Нила († 1870 г.), который и принялъ его къ себѣ подъ мудрое руководство въ уединенный, имъ самимъ устроенный Успенскій скитъ. Долгіе годы, проведенные имъ, тогда уже въ санѣ іеродіакона, въ скитской тиши и безмолвіи, въ сообществѣ съ боговдохновеннымъ старцемъ, немогли пройти безслѣдно для юнаго, но ревностнаго и впечатлительнаго инока. Старецъ любилъ вспоминать съ какимъ то особеннымъ чувствомъ благоговѣнія про своего мудраго наставника и унаслѣдовалъ отъ него строгій взглядъ на иноческую жизнь; онъ всю свою послѣдующую долготѣнную жизнь старался быть точнымъ исполнителемъ и неуклоннымъ послѣдователемъ завѣтовъ своего мудраго руководителя и наставника.

Такого ревностнаго, выдающагося инока не могло не замѣтить и духовное начальство, и онъ, будучи еще въ санѣ іеродіакона, въ 1878 году назначается на дол-

жность настоятеля Филиппо-Ирапской пустыни, съ возведеніемъ въ санъ іеромонаха. Однако, не долго управлялъ о. Герасимъ (монашеское имя старца) Филиппо-Ирапскую пустыню, привыкнувъ болѣе повиноваться, чѣмъ повѣлывать другими. Настоятельство оказалось для него непосильнымъ бременемъ, и онъ по усиленной и неоднократной просьбѣ освобожденъ былъ отъ управления монастыремъ и перемѣстился сначала въ Валдайскій Иверскій монастырь, но потомъ вскорѣ возвратился опять въ любимую имъ Нило-Сорскую пустынь.

Въ 1889 г. о. Герасимъ снова назначается настоятелемъ въ Филиппо-Ирапскую пустынь, а въ 1890 г. по особому ходатайству братіи Нило-Сорской пустыни перемѣщается на должность настоятеля сей пустыни, корю и управлялъ до 1904 г.

Схи-игуменъ Ниль.

Этотъ четырнадцатилѣтній періодъ времени управленія его пустыней былъ весьма благотворнымъ и свѣтымъ въ лѣтописи послѣдней. Упорнымъ трудомъ и твердымъ характеромъ, а болѣе всего своимъ личнымъ примѣромъ, при по-

мощи Божіей, удалось ему привить здѣсь среди иноковъ рѣдкое трудолюбіе, безропотное послушаніе и, отсѣченіе своей воли, трезвую жизнь, взаимную братскую любовь и иноческое терпѣніе и смиреніе, а также истовое уставное богослуженіе. Усердіе къ церковнымъ богослуженіямъ его было прямо таки изумительное. Несмотря на множество дѣлъ, по управленію монастыремъ и канцелярскія дѣла (письмо-

водство все вель самъ), онъ находилъ время къ ежедневному посѣщенію службъ церковныхъ и ни одна утренняя не начиналась до его прихода во храмъ. Не получивъ, школьнаго образованія, онъ былъ очень начитанъ, обладалъ твердою памятью и замѣчательно свѣтлымъ проницательнымъ умомъ. Немало потрудился почившій и для внѣшняго благоустройства обители и кромѣ того увеличилъ основной капиталъ монастыря слишкомъ на 30 тысячъ рубл. За такіе ревностные труды старецъ не былъ забытъ и епархіальнымъ начальствомъ, такъ въ 1896 г. возведенъ былъ въ санъ игумена, затѣмъ награждаемъ; наперснымъ крестомъ, благословеніемъ Св. Синода съ грамотою, орденомъ св. Анны 3 ст.

Чувствуя старческія немощи и частыя недомоганія старецъ въ 1904 году, къ общему прискорбію братіи, любившей и почитавшей его какъ родного отца и мудраго наставника и руководителя, сложилъ съ себя настоятельскія обязанности и съ разрѣшенія епархіальнаго начальства перемѣстился въ Успенскій скитъ, гдѣ незадолго до того жилъ и скончался его родной братъ іеросхимонахъ Іоаннъ.

Въ 1907 году старецъ о. Герасимъ принялъ великій ангельскій образъ св. схиму съ именемъ Нила и всецѣло предался молитвенному подвигу. Пйшущему эти строки, какъ удостоившемуся высокой чести быть ученикомъ и келейникомъ почившаго въ теченіе многихъ лѣтъ, хорошо извѣстно, что вся скитская жизнь старца на протяженіи 9 лѣтъ была сплошнымъ подвигомъ поста и молитвы. По субботамъ и воскресеніямъ старецъ самъ служилъ всенощныя и литургіи, а въ прочіе дни преобщался Св. Таинъ запасными Дарами. По словамъ самого старца за все время, какъ сталъ онъ монахомъ, ни одинъ полночный часъ не заставлялъ его спать, только лишь пробьетъ полночный часъ, какъ онъ уже на молитвѣ.

За ветхостію Успенскаго скита послѣдніе два года старецъ жилъ въ другомъ скитѣ Іоанно-Предтеченскомъ, какъ болѣе благоустроенномъ, гдѣ и почилъ о Господѣ, проживъ болѣе 65 лѣтъ въ иноческихъ трудахъ и подвигахъ.

Дивна была кончина сего старца-подвижника. Онъ все время, не смотря на свой преклонный возрастъ, былъ замѣчательно бодръ и жизнерадостенъ; въ самый день своей кончины, въ воскресеніе самъ отслужилъ раннюю литургію въ своей скитской

церкви, а наканунѣ всенощную, весь день не замѣчалось въ немъ совершенно никакой переменѣны, самъ оставилъ для себя самоварчикъ и даже топилъ печь, какъ обыкновенно дѣлалъ онъ всегда и раньше. Только въ пятомъ часу вечера сталъ жаловаться на боль въ груди и велѣлъ позвать духовника. Въ полномъ сознаниі приступилъ старецъ къ Таинству исповѣди, а затѣмъ, проводивъ духовника, онъ легъ на свое скромное ложе и сталъ готовиться къ переходу въ загробный міръ— „До завтра мнѣ уже не дожить, сегодня я долженъ умереть.“— говорилъ старецъ своему келейнику и сдѣлавъ затѣмъ нѣкоторыя распоряженія на случай смерти и преподавъ послѣднія отеческія наставленія своему любимому ученику, съ просьбою извѣстить о его кончинѣ многочисленныхъ его духовныхъ чадъ и почитателей, дабы помолились о его душѣ, старецъ тихо и безболѣзненно испустилъ послѣдній свой вздохъ 27 октября 1913 г. въ 7 часовъ вечера.

Тѣло почившаго до погребенія находилось въ Іоанно-Предтеченской скитской церкви, гдѣ въ теченіе трюихъ сутокъ непрерывно продолжалось надъ нимъ чтеніе Евангелія. Наканунѣ погребенія 29 октября братією обители соборне отслуженъ былъ парастасъ въ скитской церкви, а 30 ранняя заупокойная литургія, послѣ которой тѣло старца при колокольномъ звонѣ и крестномъ ходѣ съ пѣніемъ ирмосовъ: „Золною морскою“ перенесено было въ монастырскій теплый храмъ; изъ монастыря на встрѣчу вышелъ также крестный ходъ во главѣ съ о. настоятелемъ обители игуменомъ Иларіономъ.

Къ этому времени прибылъ воздать послѣдній долгъ старцу Преосвященный Іоанникій, епископъ Кирилловскій, оказывавшій всегда особсе расположеніе и уваженіе къ почившему, которымъ торжественно была отслужена поздняя литургія, въ сослуженіи настоятеля и братіи, а затѣмъ и чинъ отпѣванія. Во время запричастнаго ученикомъ почившаго старца инокомъ І. было произнесено пречувствованное слово, посвященное свѣтлой памяти старца, подвижника. Тѣло его погребено на братскомъ кладбищѣ въ Іоанно-Предтеченскомъ скитѣ, рядомъ съ могилами его отца монаха Никслая и двухъ братьевъ—іеросхимонаха Ісанна и іеродіакона Макарія.

Миръ праху твоему, добрый старецъ подвижникъ!

Инокъ Іоанъ *Желихихъ*.